

К 85-летию юбилею Владимира Высоцкого издано его «малое собрание сочинений». И будет издано ещё немало новых книг, в этом у меня нет никаких сомнений. Вот только Владимир Семёнович – тот редкий классик, которого полностью лучше не издавать: он начинал с дворовых песен откровенно любительского характера. И разница между его вершинными и юношескими произведениями слишком велика, чтобы её игнорировать. В этом плане издатели оказывают читателям медвежью услугу, публикуя ранние и несовершенные стихи Высоцкого. Наверное, поэт и сам не ожидал, что ему удастся взобраться на высоту «Охоты на волков», «Коней привередливых» и других замечательных произведений. Он начал писать стихи уже в зрелом возрасте, во многом из-за неудачного начала актёрской карьеры. И пошло-поехало: в фильме «Вертикаль», который вышел на экраны в 1968 году, стихи Высоцкого не только вполне профессиональны, но и оригинальны по акустике: «Если друг оказался вдруг / И не друг, и не враг, а – так; / Если сразу не разберёшь, / Плох он или хорош, – / Парня в горы тьяни – рискни! / Не бросай одного его: / Пусть он в связке в одной с тобой – / Там поймёшь, кто такой». Как хороша здесь ритмика, как здорово

согласуется она с внутренними рифмами! Но даже от «Песни о друге» ещё далеко до того Высоцкого, которого мы знаем и любим. Почему бы не издать избранное самых лучших его произведений? Лично я хочу читать у автора только самое лучшее. Но беда в том, что я – в меньшинстве. Миллионам менее притязательных читателей слабые и несовершенные произведения классиков нравятся едва ли не больше, нежели сильные. И такие читатели, к сожалению, «справят бал»: их больше, а, значит, издательства будут ориентироваться именно на них, чтобы получить максимальную прибыль.

Удивительно, что Высоцкий пел свои стихи, а не читал их. Он был настолько хорошим чтецом, что и на фоне Евтушенко с Вознесенским, думаю, не потерялся бы. Скорее всего, на этом поле он бы их переиграл и затмил. Но, очевидно, авторская песня привлекла его возможностью исполнять со сцены свежие стихи, не согласовывая тексты с союзом писателей. Советское время требовало от творческой личности принадлежности к какому-нибудь союзу. Иначе человека запросто могли арестовать, как Бродского – «за тунеядство». Член Союза кинематографистов Владимир Высоцкий мог петь везде свои песни, а вот свободно читать стихи – не мог. Парадокс. Но такое положение дел открыло в нём талантливую композицию. Как и у Окуджавы, у Высоцкого попадаются музыкальные композиции, которые жизнеспособны даже отдельно, без стихов. С первых же аккордов мы легко узнаём эти мелодии. Пример – песня «Я несла свою беду». После перевоплощений поэта в неживые предметы – такие, как самолёт или микрофон – перевоплощение автора-мужчины в женщину совсем не шокирует. Этим «баловался» ещё ранний Макс Волошин. Высокая песенная драма написана автором в «народном» стиле.

*Я несла свою беду
По весеннему по льду.
Надломился лёд, душа оборвалась.
Камнем под воду пошла,
А беда – хоть тяжела –
А за острые края задержалась.*

*И беда с того вот дня
Ищет по свету меня,
Служи ходят вместе с ней, с кривотолками.
А что я не умерла,
Знала голая земля
Да ещё перепела с перепёлками.*

*Кто из них сказал ему,
Господину моему,
Только выдали меня, проболтались.
И, от страсти сам не свой,
Он отправился за мной,
А за ним беда с молвой привязалась.*

*Он настиг меня, догнал,
Обнял, на руки поднял.
Рядом с ним в седле беда ужмылялася.
Но остаться он не мог,
Был всего один денёк,
А беда на вечный фок задержалась.*

1972 г.

В чём необычность этого текста? Мы по старинке полагаем, что реалистичные произведения существуют отдельно от символистических. А вот Высоцкому удалось «повенчать» символизм и реализм. Это ведь не единственный у него образец «смешанной техники». Чтобы не быть голословным, приведу ещё один пример, «Расстрел горного эха».

*В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха,
На кручах таких, на какие никто не проник,
Жило-поживало весёлое горное эхо,
Оно отзывалось на крик – человеческий крик.*

*Когда одиночество камам подкатит под горло
И сдавленный стон еле слышно в обрыв упадёт –
Крик этот о помощи эхо подхватит пророчно,
Усилит – и бережно в руки своих донесёт.*

*Должно быть, не люди, напившись дурмана и зелья,
Чтоб не был услышан никем громкий топот и храп,
Пришли умертвить, обеззвучить живое ущелье –
И эхо связали, и в рот ему всунули клят.*

*Всю ночь продолжалась кровавая злая потеха,
И эхо топтали, но звука никто не слышал.
К утру расстреляли притихшее горное эхо –
И брызнули слёзы, как камни, из раненых скал...*

Символистична по своей сути и «Притча о Правде и Лжи». Но Высоцкий не снискал бы и малую толику своей славы, если бы ограничился в творчестве символистическими произведениями. Думаю, не ошибусь, если скажу, что изрядной долей своей славы поэт обязан правильно выстроенному в творчестве балансу между драматическим и развлекательным. Ни один русский поэт, прославившийся, в первую очередь, произведениями драматическими, не уделял до Высоцкого столько внимания юмору. Возможно, у них этот дар просто отсутствовал. Либо – казался чем-то «низким» и потому компрометирующим. Высоцкому же удалось развернуться здесь во всей красе своего таланта. Порой его юмор на грани фола. Он с особым удовольствием обыгрывает в стихах обценную лексику, причём делает это настолько качественно, что матерные слова слышатся, но не произносятся. «И ведь, главное, знаю отлично я, / Как они произносятся, / Но что-то весьма неприличное / На язык ко мне просится» («Возле города Пекина...»).

Юмор у Высоцкого часто носит игровой характер (ну актёр же, что с него возьмёшь?). Например, жители Тау Кита у него – «тау-китайцы» («В далёком созвездии Тау-Кита»). Это особый юмористический дар – найти фонетическое сходство между китом и Китаем, да ещё так, чтобы было заразительно смешно. А какая весёлая вещь получилась у него о заграничной поездке в Будапешт («Инструкция перед поездкой за рубеж»)! Кузнецу-стахановцу вовсе не обязательно досконально знать географию стран Европы. «В мире есть много вещей, которые мне не нужны», – говорил ещё Сократ. В результате Будапешт у Высоцкого оказывается то в Чехии («в этом чешском Будапеште»), то в Болгарии, то вообще в Бангладеш. Я думаю, что Высоцкий как юморист был не менее популярен, чем Аркадий Райкин.

Невзирая на всенародную славу Владимира Семёновича, против него всегда существовала фронда. Рафинированные интеллигенты при упоминании имени Высоцкого до сих пор неодобрительно морщатся. Думаю, Высоцким нас ещё и «перекормили» в последние десятилетия. Примерно так же, как в советское время перекормили читателей Маяковским. Если судить о Высоцком по таким популярным текстам, как «Я не люблю» или «Большой Каретный», его пребывание в первом ряду лучших наших поэтов действительно выглядит спорным. Но для меня Высоцкий – прежде всего драматург. Там, где у него есть драматургия, второе дно, нестандартность подачи – там он по-настоящему хорош и не имеет конкурентов. Но кто будет фильтровать его произведения, отсеивать зёрна от плевел? Каждый выберет для чтения или прослушивания то, чего сам достоин. Читатель может расти вместе с поэтом, постепенно выбирая у него более зрелые произведения. Универсальность классики – залог её долгой жизни в новых поколениях читателей.